

УДК 141.8

Иштван И.
ПОСТМАРКСИЗМ И АЛЬТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается вклад работ Эрнесто Лакло и Поля Боумана в новые альтердисциплинарные культурные исследования. Основываясь на постструктурализме, психоанализе, постмарксизме, гендерных исследованиях, деконструктивистской дискурсе-теории альтердисциплинарная практика культурных исследований стремится изменить другие дисциплинарные дискурсы, вмешиваясь в дисциплинарные пространства их производства.

Ключевые слова: альтердисциплинарная практика, дискурс, культурные исследования, постмарксизм.

Иштван И. Постмарксизм й альтердисциплінарність нових культурних досліджень. В статті розглянуто внесок робіт Ернесто Лаклау та Поля Боумана у нові альтердисциплінарні культурні дослідження. Альтердисциплінарна практика культурних досліджень, що ґрунтується на постструктуралізмі, психоаналізі, постмарксизмі, гендерних дослідженнях, деконструктивістській дискурсе-теорії, намагається змінити інші дисциплінарні дискурси за допомогою втручання у дисциплінарний простір їх виробництва.

Ключові слова: альтердисциплінарна практика, дискурс, культурні дослідження, постмарксизм.

Ishtvan I. Post-marxism and alterdisciplinary practice in modern cultural studies. *The article examines the contributions of the works of Ernesto Laclau and Paul Bowman to new alterdisciplinary Cultural Studies. Grounded in post-structuralism, psychoanalysis, post-marxism, gender studies, deconstructive discourse theory and alterdisciplinary practice in cultural studies remains that which seek to alter other disciplinary discourses by intervening into the disciplinary spaces of their production.*

Keywords: alterdisciplinary practice. Cultural Studies, discourse, post-marxism.

В конце 80-х - начале 90-х годов ряд теоретиков, в том числе Анжела МакРобби, Лоренс Гроссберг, Куан-Хсинг Чин, утвердили «постмарксизм» в качестве теоретической парадигмы для культурных исследований [Gilbert, 2001]. Предлагая рассматривать отношение между постмарксизмом и «культурными исследованиями» (Cultural Studies) в терминах «несогласия» (Ж. Рансьер), или «полемизации» (Б. Ардити), трансформирующей в ходе полемики сами их основания, мы избегаем опасности подвергнуть эти теории риску неаналитического сопоставления, в то же время позволяем *актуализировать* «культурные исследования», включив в «орбиту познаваемости» современной культурной теории ряд текстов и концепций, до сих пор из нее топологически исключенных. «Война» между культурными исследованиями и постмодернизмом [Chen, 1991, p. 49], которая, по замечанию Куан-Хсинг Чина, некоторое время оставалась незамеченной не в последнюю очередь из-за «маргинального» статуса журнала «Вопросы коммуникации» («Journal of Communication Inquiry»), в специальном выпуске которого, посвященном Стюарту Холлу (1986), были намечены первые расхождения, привела к своеобразным «репрессиям» внутри самого диалогического пространства - предпочтение отдавалось полемике с представителями так называемого «критического постмодернизма» (М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр), который, как отмечалось, дистанцируется от доминирующей «эстетической

критики» (Ж.-Ф. Лиотар), «философской критики» (Ю. Хабермас), «социальной критики», сводящей все многообразие феноменов постмодернистского мира к позднекапиталистическому способу производства (Ф. Джеймисон), а также от «морализирующей» критики, которая призывает к возвращению «постпрагматической» («буржуазной») социальной солидарности (Р. Рорти).

В интервью со Стюартом Холлом, а также ответных статьях Л. Гроссберг, Д. Хэбридж, Й. Чамберс, Дж. Фиске и Дж. Уотса, А. МакРобби и Х. Хардта постмодернизм рассматривается не только как феномен европоцентричной эпистемы, но и оспариваются его политические последствия. Необходимость выйти «из тени Бирмингемской школы» - за пределы постмодернизма и культурных исследований, реконструируя их историю как «поле борьбы», представляет движение к «постмодернистским культурным исследованиям в пространстве постмарксизма» [Chen, 1991] очередной разновидностью «посткритики». Сходным образом определяется и стратегия представителей так называемой «пост-Бирмингемской школы культурных исследований» (наименование, в ближайшем рассмотрении оказывающееся не менее произвольным, чем обозначение «Бирмингемской школы» именно как «школы»), а именно - вовлечением ряда новых теоретических дискурсов (концепций Дж. Агамбена, А. Бадью, Ж. Рансьера, С. Жижека, Дж. Батлер) в полемику об анти-капитализме (Дж. Гилберт), деконструкции (Г. Холл), новых медиа (К. Бассет), постчеловеческом (Н. Бадмингтон), понятии политического «действия» в культурных исследованиях в условиях современной конъюнктуры, не-гегемоническом, в отличие от версии Э. Лакло и Ш. Муфф, подходе к пониманию антагонизма в работах М. Фуко, С. Уолиа, Ж. Рансьера, а также последних исследованиях природы бюрократических и административных условий производства и распределения культуры [Valentine, 2001].

Если в самом широком значении этого слова к «постмарксизму» принято относить целый спектр различных современных теорий, то в более специальном употреблении под «постмарксизмом» понимается теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, основные положения которой были сформулированы ими в книге «Гегемония и социалистическая стратегия» (1985). Как отмечает Поль Боуман, «культурные исследования» как особая дискурсивная формация появились в среде «новых левых» в Великобритании, и несмотря на то, что изначально они сформировались как университетская институция, они никогда не были «просто академическими» - так следуя одному из определений деконструкции, данному самим Деррида, культурные исследования всегда были «институциональной практикой, для которой институция оставалась проблемой» [Bowman, 2007, p. 100]. В 2007 году была издана монография Поля Боумана «Постмарксизм против культурных исследований», в которой подробно освещаются аргументы почти двадцатилетней полемики этих двух академических дисциплин. В частности, в первой главе приводится не только общий тезис о том, что постмарксистская теория Лакло и Муфф, возможно, гораздо большим обязана литературной теории, континентальной философии, деконструкции и семиотике, чем собственно политической теории [Bowman, 2007, p. 10], но и говорится о «сильной» критике постмарксизма со стороны марксистской политической теории. Боуман отсылает своего читателя и к работам, которые, по его мнению, позволяют составить общее представление об этих дебатах - «Пятьдесят ключевых современных мыслителей» (1994) профессора социальной теории и культуры Джона Лехте (университет

Масквайр, Сидней) [Lechte, 1994], и «Постмарксизм: критический ридер» (1998) профессора англоведения и критической теории Стюарта Сима (университет Сандерленд, Великобритания) [Sim, 1998]. Следует отметить, что основной критический потенциал, которым обладает работа Поля Боумана, составляет концепция «антидисциплинарных объектов» Джона Мувиата (1994), в частности, критика им постмарксистской «дискурс-парадигмы» и противопоставление ей «текстуальной» парадигмы постмодернистских культурных исследований [Bowman, 2007, p. 10]. В этой связи обращение к вышеобозначенным работам Лехте и Сима, представляющим скорее учебные пособия, чем самостоятельные аналитические исследования, не позволяет прояснить ни принципы полемики между постмарксизмом и его критиками, ни убедиться в том, что такая полемика действительно имела место. Куда более оправданным в данном контексте выглядело бы обращение к более поздней работе Стюарта Сима «Постмарксизм: интеллектуальная история» (2000), где, в частности, он говорит о возможном сопоставлении теорий Эрнесто Лакло и Фредерика Джеймисона [Sim, 2000, p. 46]. Сим приходит к утверждению о том, что хотя и Лакло, и Джеймисон говорят о возникновении новых социальных движений, в то же время они различаются пониманием того, что же эти движения репрезентируют: так для Джеймисона неприемлемо утверждение о том, что они возникают, чтобы заполнить некую пустоту, образовавшуюся в результате исчезновения социальных классов внутри капиталистической системы [Jameson, 1991, p. 319]. Новые социальные движения рассматриваются им как следствие экспансии позднего капитализма, рабочий класс не исчезает - это понятие оказывается смещенным в эпоху постмодерна как одной из «системных модификаций» капитализма. Как отмечает Стюарт Сим, Джеймисон относится с подозрением к каждому, кто воспринимает возникновение этих движений как позитивный знак общекультурной ситуации, таким образом, новые социальные движения становятся знаком «маргинализации» политического в эпоху позднего капитализма [Sim, 2000, p. 46]. В то же время те редкие упоминания о дискурс-теории Лакло и Муффа в работах Джеймисона (к примеру, отсылка к ранней работе Лакло «Политика и идеология в марксистской теории» (1977) в «Политическом бессознательном» [Jameson, 1981, p. 189] или обращение к «Гегемонии и социалистической стратегии» на страницах «Постмодернизма, или Культурной логики позднего капитализма» [Jameson, 1991, p. 319, 331, 396]) не протоколируют противопоставления этих исследовательских направлений - так для Джеймисона как для марксиста возникновение «новых социальных движений» в пустоте, образовавшейся на месте «исчезновения социальных классов», провозглашаемое в постмарксизме и, одновременно, идея сохранения социалистической стратегии, несомненно, представляют собой неартикулируемые элементы теории политического, равно как и теории культуры, в то же время, дискурс-теория Лакло и Муффа представляет для него определенный интерес. Как отмечает Фредерик Джеймисон, культурные исследования - это скорее симптом, а не теория, что действительно является необходимым - так это «культурные исследования самих культурных исследований» [Jameson, 1993, p. 17]. Рассматривая культурполитику «новых социальных движений» культурные исследования становятся выразителями «политической корректности» в академическом пространстве. Возникнув не из недовольства культурой, но из-за неудовлетворенности теми границами, которые устанавливают базовые для них дисциплины в сфере критической теории культуры, культурные исследования, как

отмечает Джеймиеон, всегда будут оставаться постдисциплинарными [Jameson, 1993, p. 18]. Возможно, именно поэтому они вынуждены постоянно переопределять себя в качестве анти-, меж- или альтердисциплинарных, будучи не в состоянии реартикулировать сами свои основания.

Если традиция «культурных исследований», традиционно соотносимая с Бирмингемской школой, как отмечает Лоуренс Гроссберг, была сформирована серией дебатов и критическим вовлечением других теоретических позиций: гуманизмом «культуралистов» (Р. Уильямс, Э.П. Томпсон), функционализмом структуралистов (Л. Альтюссер), антигуманизмом и текстуализмом деконструктивистов, а также психоаналитической дискурс-теории и определенными версиями феминистской теории, с другой же стороны, под влиянием конкретных исторических событий (к примеру, тэтчеризм в Великобритании), то постмарксизм, как пишут в предисловии ко второму изданию «Гегемонии и социалистической стратегии» Лакло и Муфф, возник в своеобразном теоретическом вакууме, образовавшемся в середине 70-х в марксистской теории. Симптоматичным выглядит уже то, что провозгласив себя в качестве теории «открытости дискурсивного» постмарксизм в определенной степени стал замкнутой теоретической системой, так в ходе теоретических дебатов, в которые он оказался вовлеченным - о прагматизме и деконструкции между С. Кричли, Э. Лакло, Р. Рорти и Ж. Деррида (1996), а также о гегемонии и универсальности между Э. Лакло, Дж. Батлер и С. Жижек (2000), были намечены «узловые точки», вокруг которых в академическом поле разворачивается неясная борьба за артикуляцию, с определенной долей самоиронии могущая быть названной «гегемонической». В этой связи особо значимым становится возникающий интерес к обновлению культурных исследований. Лозунг «выйти из тени Бирмингемской школы» - это своеобразный призыв к отождествлению с академическим фантазмом, поскольку самой «Бирмингемской школы», как неоднократно отмечал Стюарт Холл, в некотором смысле, не существует.

Изначально в качестве «узловых точек» дискурса культурных исследований были обозначены империализм, расизм, появление новых форм сопротивления (в форме субкультур и со стороны феминизма), популизм «новых правых» и одновременный «коллапс» эффективной левой оппозиции - в пределах этих терминов Гроссберг предлагал рассматривать отношение между постмарксистскими культурными исследованиями и постмодернизмом [Grossberg, 1986a, p. 70].

«Маргинализация политического» влечет за собой и маргинализацию теории, Джудит Батлер, в статье, открывающей книгу дебатов о современном левом движении, участие в которых, помимо ее самой, приняли Славой Жижек и Эрнесто Лакло, отмечает, что участники этого проекта долгое время работали «на теоретических окраинах» левого политического движения [Butler, 2000, p. 11], сфера их интересов не исчерпывается вопросами о постструктурализме, артикуляции «универсальности» в политическом проекте гегемонии и статусе психоанализа в критической теории, это также и внимание к попытке разделения теории на универсализм и историцизм (так Жижек задается вопросом о том, достаточно ли сегодня следовать лозунгу Ф. Джеймисона «Всегда историцизируй!»), проблемы квази-трансцендентализма и социальной логики идентификации. Жижек, как и сам Джеймиеон, выступает с резкой критикой по отношению к проекту подобной маргинализации, говоря о своеобразной «молчаливой солидарности» в теории между Деррида, Батлер, Рорти, «политически корректными» культурными исследованиями и «новыми политическими движениями», ставшими предметом исследования

Иштван И. ПОСТМАРКСИЗМ И АЛЬТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

постмарксистской дискурс-теории Лакло и Муфф. Для него, как отмечает Боуман, популярность проекта деконструкции и культурных исследований, их институционализация в качестве академической дисциплины, является «смирившимся и циническим соглашением», что капитализм является «одной игрой в городе» [Zizek, 2000, p. 95], таким образом, новые социальные движения (политики идентичности, движения расовой, тендерной или экологической проблематики) остаются невосприимчивыми к неизменному фону их собственной активности - капитализму [Bowman, 2007, p. 146].

Называя «дискурсом» структурное единство, возникающее в результате артикуляционных практик [Laclau, Mouffe, 2001, p. 105], под «артикуляцией» Лакло и Муфф понимают конструирование «узловых точек», частично фиксирующих значение [Laclau, Mouffe, 2001, p. 112]. Понятие «артикуляции» как связи, которая не является ни необходимой, ни абсолютной, но, тем не менее, производит единство двух различных элементов при определенных условиях, позднее использует в своих работах Стюарт Холл [Grossberg, 1986b, p. 53], отмечая в то же время и то, что более подробно оно было разработано в ранней книге Э. Лакло «Политика и идеология в марксистской теории» (1977). Примечательно, что этой же работе, которую сам Лакло практически не цитирует в последующих своих исследованиях, отдает предпочтение и Славой Жижек [Bowman, 2001, p. 9], заставляя вспомнить о замечании Джемисона относительно специфического жанра незавершенных проектов - таких как семинары Лакана, беньяминовские «Пассажи», «Тюремные тетради» Грамши или «Мысли» Паскаля. Стюарт Холл, говоря о том, что он все еще предпочитает «Политику и идеологию в марксистской теории» «Гегемонии и социалистической стратегии», или «За Маркса» Альтюссера - более поздней книге «Читать Капитал» [Grossberg, 1986b, p. 56], как кажется, является выразителем того же чувства, что и Бруно Бостилз, предпочитающий раннюю «Теорию субъекта» Алена Бадью, более позднему и более цитируемому «Бытию и Событию». Подобная пассионарная привязанность теоретиков культуры к незавершенным проектам может сама по себе представляться особой разновидностью меланхолии в академических исследованиях, или же выражением «несогласия» с установленными протоколами. Понятие интервенции, или вмешательства (в том числе и в другие дисциплины), являющееся центральным для формирования академического субъекта, в культурных исследованиях традиционно рассматривалось с позиций грамшианства и постмарксизма. Вопрос о «дисциплинарном обязательстве» (commitment) позволяет представителям культурных исследований, вслед за Жаком Деррида, рассматривать дисциплинарное пространство как «поле битвы», в котором больше нет метаязыка теории, но есть «полемос», то, что Жак Рансьер называет «несогласием», а Беньямин Ардити - «полемизацией». Предпринятая Полом Боуманом попытка ввести элемент «несогласия» в генеалогию «культурных исследований», сохранив тем самым их критический потенциал, завершается выявлением особой структуры «альтердисциплинарности» [Bowman, 2008] постмарксизма и культурных исследований. Рассматривая значимость «дисциплинарного обязательства» в соотнесении с концепцией Рене Жирара (1977) о дисциплине как институции, предполагающей «пассионарное несогласие» субъектов с тем, к чему они так привязаны, можно говорить о том, что теоретики культурных исследований и интеллектуалы «с окраин» левого политического движения разделяют общие обязательства по отношению к некоторому «священному» дисциплинарному объекту - артикуляция, как отмечает Боуман, которая не является

ни необходимой, ни даже реальной [Bowman, 2007, p. 97]. Что является этим священным объектом теории как не то, что из нее явным образом исключается - вопрос о сохранении классовой структуры общества в эпоху позднего капитализма, вопрос о марксизме, о практиках эффективного вмешательства. В пределах дискурса постмарксизма и культурных исследований каждый знак представляет собой «момент» зафиксированного значения, все возможности дискурса, которые не артикулируются в нем, оставаясь из него исключенными остаются «элементами» (в терминологии Лакана - «плавающими означающими» [Laclau, Mouffe, 2001, p. 113]), формирующими «область дискурсивности». Реартикуляция в таком случае прежде всего означает перестать «быть дисциплинированным». Несогласие становится не дисциплинарным построением, но вмешательством другого дискурса, других протоколов, другого языка, другой сцены - тем, что называется деконструкцией как радикальным требованием для институции оставаться проблемой для себя самой. Как отмечает Поль Боуман, новое поколение культурных исследований привлекает внимание к соперничающей структуре дисциплинарности [Bowman, 2008, p. 107], именно поэтому становится необходимым не только определить различия в пределах взаимопересечения постмарксистского дискурс-анализа, психоанализа, структурного марксизма, тендерной теории, культурных исследований, но и представить «полюс», или различие, формообразующим элементом этих дисциплин.

Литература:

1. Bowman P. Alterdisciplinarity И Culture, Theory and Critique (2008), vol. 49, no. 1. - P. 93-110.
2. Bowman P. Between Responsibility and Irresponsibility: Cultural Studies and the Price of Fish // Journal of Theory, Culture & Politics (2001), vol. 14, no. 2 (Nov), p. 277-291.
3. Bowman P. Post-Marxism versus Cultural Studies: Theory, Politics and Intervention. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. - 228 p.
4. Butler J. Restaging the Universal: Hegemony and the Limits of Formalism, in Butler J., Laclau E. and Zizek S. Contingency, Hegemony, Universality. - London: Verso, 2000. - P. 11-43,
5. Chen K.-H. Post-Marxism: between/beyond critical postmodernism and cultural studies // Media Culture Society (1991), vol. 13, p. 35-51.
6. Gilbert J. A Certain Ethics of Openness: Radical Democratic Cultural Studies // Strategies (2001), vol. 14, no. 2. -P. 189-208.
7. Grossberg L. History, Politics and Postmodernism: Stuart Hall and Cultural Studies // Journal of Communication Inquiry (1986), vol. 10, p. 61-77.
8. Grossberg L. On Postmodernism and Articulation: An Interview with Stuart Hall //Journal of Communication Inquiry (1986), vol. 10, no. 2., p. 45-60.
9. Jameson F. On «Cultural Studies» // Social Text (1993), no. 34. - P. 17-52.
10. Jameson F. Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late Capitalism, - Durham, NC: Duke University Press, 1991.
11. Jameson F. The political unconscious: narrative as a socially symbolic act. - Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1981.-305 p.
12. Laclau E. New Reflections on the Revolution of Our Time, London and New York: Verso, 1990.
13. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy, 2nd edn. - London: Verso, 2001.
14. Lechte J. Fifty Key Contemporary Thinkers: From Structuralism to Postmodernity. London: Routledge, 1994.
15. Sim S. Post-marxism: a reader. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998.
16. Sim S. Post-marxism: an intellectual history. - London: Routledge, 2000.
17. Valentine J. The hegemony of hegemony // History of the Human Sciences, Vol. 14, Kr 1 (2001), p. 88-104.
18. Zizek S. Class Struggle or Postmodernism? Yes, please!, in J. Butler, E. Laclau and S. Zizek Contingency, Hegemony, Universality. (Verso, London), 2000. - P. 90-135.

© Иштван И., 2010